

В.А. Украинцев

**ЖИЗНЬ
НЕ ТОЛЬКО
БОРЬБА**

Мемуары

12+

Владимир Украинцев
Жизнь не только борьба

«ЛитРес: Самиздат»

2011

Украинцев В. А.

Жизнь не только борьба / В. А. Украинцев — «ЛитРес: Самиздат», 2011

В книге автор описывает весь жизненный путь от рождения до выхода на пенсию. Показано, как мальчишка, родившийся в большой советской семье, благодаря любознательности и упорству, пройдя службу в ВМФ СССР, учебу в Московском энергетическом институте, аспирантуру, работая на оборонных предприятиях, превратился в высококвалифицированного инженера - разработчика лазерных комплексов для обороны наземных объектов. Подробно описывает автор перипетии семейной жизни, создание и обустройство садового участка, обозначены его позиции в отношении перестройки, религии и Бога.

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

26

В.А.УКРАИНЦЕВ

ЖИЗНЬ НЕ ТОЛЬКО БОРЬБА

Об авторе

Владимир Александрович Украинцев родился в декабре 1930 года. Его жизнь совпала с эпохой индустриализации страны, в результате которой Россия из нищей, обескровленной революцией и гражданской войной страны превратилась в могучую передовую современную державу. Описывая в Мемуарах наиболее яркие эпизоды своей жизни, автор показывает всю грандиозность происходящих событий, величие и трагизм эпохи, в которой ему посчастливилось жить. Молодому поколению должно быть небезынтересно знать «кто мы» и как смогли стать такими. В этом плане Мемуары имеют большое воспитательное значение. Показывают, как мальчишка, родившийся в бедной, но дружной и большой семье, благодаря природной любознательности, любопытству, бесстрашию, непредвзятому отношению к окружающим, великому чувству товарищества и при этом упорству и желанию быть первым, превратился в достойного гражданина своей Великой Родины, высококвалифицированного инженера, ученого. Тяготы военных лет, трагизм событий этого периода, гибель младшего брата в эвакуации, стремление учиться в условиях послевоенных бытовых трудностей и скудного питания, неизгладимые юношеские впечатления происходящих событий способствовали воспитанию твердого характера, целеустремленности, чувства ответственности, быстрого возмужания. Привитые с детства в большой дружной семье лучшие человеческие качества, любопытство, стремление учиться помогли автору закончить Электромеханический техникум, с честью отслужить на Северном флоте и закончить службу мор-периода читаются с большим интересом.

После окончания Энергетического института автор успешно работал в закрытых оборонных предприятиях по созданию элементов САУ, проектированию и созданию современных комплексов ПВО, ПРО и их испытаний на полигонах Министерства обороны, в том числе в Казахстане. Приобретенные знания и опыт позволили автору в кратчайшие сроки освоить новую сложнейшую технологию – разработку комплексов лазерного оружия, создать математические модели и получить на них методом стохастического моделирования оценку боевой эффективности этого вида оружия при обороне наземных стратегических объектов от атак с воздуха и моря. Эти разделы Мемуаров читаются с особым интересом. Подробно описывает автор перипетии семейной жизни, сложные отношения с сыном, внуками, потерю близких и деятельность послевыхода на пенсию.

Мемуары позволяют читателю вместе с автором как бы прожить его жизнь с момента рождения до текущего времени. Вместе с тем Мемуары автора характеризуют советскую эпоху, поскольку его жизнь проходила в основной колее, предначертанной партией и правительством для своего народа, и поэтому будут интересны не только родным, близким и коллегам по работе.

Описание в Мемуарах всех этапов жизни автора, сопровождаемые фотографиями, обладают неоценимым для читателя свойством повествования – эффектом присутствия.

Часть 1

1.0

Вступление

С сегодняшнего дня решился, наконец, приступить к реализации мысли о написании чего-то похожего на мемуары. Думаю, что моим родным, близким и друзьям будет интересно их читать. Особенно приключения, эпизоды и истории, которые запомнились на всю жизнь. Но начну я все-таки с моего появления на свет 22 декабря 1930г.

Это событие произошло в Москве в роддоме в Денежном пер., что неподалеку от Плющихи. Был сильный мороз, когда меня забирали из этого дома. И когда привезли домой в Очаково (это в 11км по жел. дороге от Киевского вокзала, тогда это был пригород Москвы) и развернули, обнаружили, что я был слегка посиневший, но живой. Значительно позже я понял, что этот эпизод не прошел бесследно - я получил мощную закалку на всю жизнь. Большая проблема была с перепелинанием - в комнате, где это происходило, было обычно тоже очень холодно. И этот процесс происходил под шубой, отец накрывал ею нас с мамой. С тех пор, по-видимому, я равнодушен к шубам и при первой же возможности, в 1960г я приобрел полушубок - на большее в то лихое время денег не было.

1.1. Предвоенные годы

Жили мы в то время в дряхлом одноэтажном домике на три семьи. Как мы в нем оказались я не знаю. Вблизи был еще один домик на две семьи. Относились эти домики к кирпичному заводу и стояли они обособленно в километре от поселка рабочих завода рядом с карьерами, в которых добывали глину для завода. На другой стороне карьеров был еще один домик - на одну семью. Называлось это место «6-ой участок». У нас было три небольшие комнаты и кухня с дровяной печкой. Семья была очень большая: мама, отец, нас, детей – трое, мамыны родители: дед Иосиф (1881–1956) (Ошер – как его звала бабушка Хая-Оля (1882–1956), мои дяди: Миша, Володя, Заля, тетя Пира - всего 11 человек. Я не знаю, как мы там все оказались, и, не понимаю, как размещались! У мамы были еще два брата – мои дядья Борис и Лёва Жили они отдельно, но иногда приезжали к нам в гости. Себя я помню примерно с четырех лет. Было большое подсобное хозяйство: корова, козы, несколько хрюшек, десятки кур и много, много кроликов. В основном все это идеологически, и не только, держалось на плечах моего отца - Александра Алексеевича Украинцева. Он был из большой зажиточной крестьянской семьи. Отец его, Алексей Иванович, был управляющим у помещика в Тульской губернии Веневского уезда, село Глубокое, где и родился мой отец в 1902г. И было у моего деда по отцу шестеро

детей - пятеро законных: мой отец, мои дядья: Петя и Коля, тетки Ньюша и Люба, и одна незаконная - Катя. (Я с мамой после войны был у нее в гостях – красивая!). Как рассказывала мама, содержал дед, фактически, две семьи. Про бабушку по отцу я ни от кого ничего не слышал.

Детей дед держал в строгости, приучал к физическому труду и строго требовал уважать старших. Отец рассказывал, как однажды он шел по селу и не поздоровался с шедшим навстречу простым крестьянином - не снял шапку. Тот пожаловался отцу. Реакция запомнилась моему отцу на всю жизнь - его голова была зажата меж колен, и он был отхлестан ремнем.

После демобилизации из Красной армии в 1924г отец женился, вопреки воли родителей, на моей маме-Софье (рожд. 1905г.). Родители и вся еврейская местечковая община г. Гжатска, (сейчас г. Гагарин), где они жили, а отец заканчивал службу, категорически возражали против брака на еврейке, хотя и активной комсомолки, на русском. И отцу пришлось действовать в кавказском варианте - он ее выкрал и увез в отчий дом в Тульскую губернию, где и был оформлен брак. После службы он работал зоотехником и поступил учиться заочно в Тимирязевскую академию на зоофакультет. Но закончить академию не удалось - посадили. Сколько он сидел я не знаю, по-видимому, не более четырех лет (в 30-ом году появился я), а вот за что - знаю. Ему, зоотехнику, было дано партийное поручение - закупить на Северном Кавказе вагон кроликов для подмосковного хозяйства. Планировали, что они здесь расплодятся, и проблема с мясом в те голодные годы была бы решена.

Закупить-то он закупил, да пока ехали до Москвы, они все подохли. (*Мой сосед на даче в 80-х годах держал около двухсот кролей и однажды они все вдруг подохли за одну ночь. Эпизоотия!*). За это его исключили из партии (на фронте он опять туда вступил) и карьера зооспециалиста на этом была закончена. Он решил сменить профессию - окончил ускоренно в Москве техникум связи и работал в те годы до самой войны на предприятии, задача которого была охватить Подмоскovie проводной радиосетью. В каждом районе монтировалась мощная подстанция, и от нее тянули провода до каждого дома, чтобы все могли слушать эпохальные и не очень решения партии и правительства, и приобщаться к культуре и цивилизации.

Мама моя, в девичестве Пейсина, – работала в те годы в бухгалтерии Очаковского кирпичного завода простым бухгалтером. Иногда я забегал к ней в зал конторы, где она работала. Никакого образования она не имела, обладала крепким здоровьем, сильным прагматичным характером и светлым умом, как неоднократно я потом убеждался. Это позволило ей построить хорошую крепкую семью с моим отцом и, главное, в те страшные годы, сохранить ее до самой войны без потерь.

Мальчишкой я был очень смелым и почему-то всюду хотел быть первым! Что в школе, что вне школы. И порой это приводило к серьезным конфликтам и последствиям. Так, однажды зимой, на лыжах я первым решил съехать с крыши самого высокого Келлеровского*¹ сарая высотой около 15-ти метров. А внизу под небольшим слоем снега были рельсы. Конечно, я их не видел.... Разбег по плоскости наклонной крыши, вхожу в свободное паденье, приземляюсь и.....падаю от дикой боли в пятках! Опустился (шмякнулся!) я прямо на рельс. Лыжи – вдребезги! Ходить в школу я смог только через две недели, а ощущал боль в пятках еще лет пятнадцать.

Вообще, жизнь мальчишек на 6-ом участке была безмятежна! Был режим свободного выпаса в любое время года. Летом - в одних трусиках, загорелые были до черноты и, в основном, - босиком. Купались в прудах, образовавшихся в карьерных выработках, ловили карасей и пескарей в прудах и речушке Очаковка. Зимой - коньки, привязанные веревками к валенкам и лыжи - тоже на валенках. И конечно, на трудных склонах или трамплинах первую лыжню прокладывал я!

¹ Келлеровский сарай – огромный без стен сарай с крышей. По бокам обит рогожей. В него выставляется отформованный сырой кирпич для просушки перед обжигом. Размеры 10 на 50, высота до 15м.

Проблем с питанием в нашей огромной семье не было. Взрослые все трудились, кто где, в основном, простыми работягами и помогали отцу содержать скот (воду таскали в ведрах из водокачки, стоявшей примерно в 150-ти метрах от дома) и выращивать овощи. Только под картошкой было соток тридцать! Обработка земли велась лошадью - отец нанимал где-то и сам вел плуг. В сенах на зиму всегда стояла большая кадушка с соленой капустой, а погреб и подвал были заполнены соленьями и квашениями.

(Помню, как однажды я подошел к распряженной отдыхающей лошади сзади, т.к. боялся, что укусит, и мгновенно получил удар в грудь копытом задней ноги. Хороший урок на всю жизнь!)

Чего нам детям не хватало, так это сладостей - получить от кого-то конфетку было большой радостью и редкостью. Фрукты были крайне редки в доме и, в основном, по большим праздникам, таким, как 1мая, 7ноября и Новый год. С хлебом проблем не было.

Присматривала за нами с братом бабушка, а дед Иосиф редко выходил из своего закутка, где по большей части тихо что-то бубнил по-еврейски, глядя в какую-то книжечку. Стоя! Раскачивался и бубнил - наверно молился. Еврейский учить я не хотел, и никто меня особо не принуждал. По-еврейски я знал (и знаю сейчас!) всего несколько слов, которые в переводе на русский означают: «отвяжись», «о, боже!», «такова жизнь!», «достаточно», «тихо!» - это по-еврейски звучит «Ша!» и «Поц» - по русски тоже три буквы. Еще вспомнил, что это же самое по-еврейски звучит как «Шмэкл». Очень мне не нравилось, что читать и писать по-еврейски надо справа налево, а не как научили в школе.

Я не понимал, что бубнил дед. Недавно, от племянницы Юли, дочери моей сестры Розы (1925–1995г.г.), я узнал, что до революции он был раввин, потом долго был в бегах в Баку (рассказывала мама). Ходил он всегда в ермолке, имел длинную полуседую бороду и усы - типичный хасид, как я сейчас понимаю. По праздникам, когда вся семья собиралась за одним столом, все пили водку из рюмок, а он наливал ее в блюдце, макал в нее кусочек черного хлеба и сосал.

В школу я ходил с удовольствием, хотя она была далеко, примерно в полутора километрах ходьбы по полю. До войны я проучился три года, и каждый год заканчивал с похвальными грамотами - была тогда такая форма поощрения.

Я был очень любознательным ребенком. Тогда было повальное увлечение радиолюбительством. Помню, как отец сделал огромную радиолу, а я - детекторный приемник. Первый принятый на нем голос диктора привел меня в неопикуемый восторг! Я пытался тогда уже понять суть явления и докопаться, откуда что берется, как диктор залез в наушник? Разобрал его и никого там не обнаружил!! Наверное, это определило в дальнейшем выбор профессии и черту докапываться до сути явления. Мне это здорово пригодилось, как в учебе в техникуме, так и службе на флоте, учебе в институте, аспирантуре и в работе.

У меня было много друзей, как в школе, так и среди детей работников завода. И среди них вспоминаются самые лучшие - близнецы Сашка и Сергей Шульгины, которые были моложе меня на год, и Володя Чекалин - мой ровесник.

Много лет спустя, в период перестройки, я догадался, что близнецы были внуками известного до революции государственного масштаба деятеля Василия Шульгина, не принявшего власть большевиков и сосланного на поселение в небольшой городок на 101км к востоку от Москвы - Петушки. Маму их звали Александра Васильевна Шульгина, а сестру мамы - Татьяна Васильевна. (В. Шульгин в своей книге, которую я прочитал в 91 году, упоминает, что у него было две дочери).

Жили они тоже в отдельном домике на две семьи рядом с конторой завода. По внешнему виду, красивым очертаниям лица и фигуры, походке, одежде, поведению аристократки Александра Васильевна и ее бездетная сестра, с печальными большими глазами, резко отличались от серой массы заводчан. В том числе и от моей мамы, имеющей не еврейские, немного грубо-

ватые крупные черты лица и коренастую фигуру. Кстати, моя тетка Пира (она с 1919г. рожд., в начале 90-х уехала с семьей дочери Лены в Канаду), а также многочисленные ее братья, а мои дядя, тоже не были ни внешностью, ни характером похожи на евреев. (Дядя Заля в первые дни войны попал в плен, и немцы его не тронули, посчитали за армянина, как он рассказывал).

Друзья-близнецы довольно часто ездили в Петушки и от ответа на вопрос «зачем?» - всегда уклонялись. По-видимому, им было запрещено говорить на эту тему с кем бы то ни было. И вряд ли они в те годы, так же как и я, понимали, что происходит и почему, даже очень близким друзьям, нельзя было раскрывать эту тайну.

Однажды Сашка спас меня, когда мы купались. Я залез на мелкое место в воду. Плавать я еще не умел, прошел немного вперед и.....начал тонуть, т.к. провалился в яму. Закричал, конечно. Он вытянул меня из воды нахлебавшимся, но живым. После этого я быстро научился плавать хотя бы «по-собачьи».

Теперь немного о жизни рабочих завода в довоенный период.

Тяжелейший физический труд, практически на всех этапах производства кирпича и, в основном, ручной! Особенно на участке выставки только что вывезенного на вагонетках из печей обжига кирпича. На тачках его перевозили на площадки, где он остывал и потом загрузка на ж/д платформы. Дядя Заля там поработал один год и при первой возможности ушел, хотя был крепким, коренастым парнем выше среднего роста - очень тяжелый труд! И уехал на комсомольскую стройку - строить город Комсомольск – на Амуре. По-другому уволиться тогда было невозможно! Вернулся он оттуда перед самой войной и начал работать на заводе электромонтером.

Рабочие с семьями жили в кирпичных бараках - общий коридор, и каждой семье по комнате метров по пятнадцать – двадцать. Удобства – на улице, вода – из колонки на улице. Общей кухни не было – готовили на керосинках в комнатах. И что характерно, пьяных на улице не было! А на нашем 6-ом участке был один откровенный алкоголик из соседнего домика - дядя Митя Еремин. Жену его мы звали «Еремиха» - тетя Нюра, – высокая женщина с хищными чертами лица. Этот дядя Митя не дожил до войны. Когда не было водки, он пил денатурат. А когда и он кончился в один из запоев, он выпил стакан керосина и умер. У них было два сына, лет на 10 старше меня – Володька и Костя, высокие, сильные парни. Они водили голубей, а мы, малышня, им помогали. Далее они и Еремиха будут упомянуты в запомнившихся эпизодах.

По-моему, народ не голодал. (Что это за чувство, я узнал во время войны и сразу после). У всех были небольшие огороды. Но, жили бедно. Одевались скромно. Основной одеждой была телогрейка. Многие питались в столовой. Был магазин, где было полно продуктов, в том числе водка, вина, красная и черная икра в больших банках стояла на прилавке. А пиво было только одного вида - Жигулевское. Но всегда были большие очереди.

Моими друзьями были, в основном, дети ИТР завода и жили они совсем в других условиях. Не в бараках, а в отдельных небольших домах с отдельными квартирами. А у директора завода вообще был отдельно стоящий одноэтажный пятикомнатный дом с огромным яблоневым садом. (Лет через семь после войны в нем жили мои родители и Розина семья. Как они туда попали, я не знаю).

Вспоминается один трагический случай. Взрослые ребята решили сделать очередной ночной налет на директорский сад. Как-то перелезли через забор, набрали за пазухи еще зеленые яблоки и тут их прихватил сторож. Двоих он поймал и здорово поколотил. Они долго лечились, а Костя Еремин, так и остался с изуродованной рукой. На фронт его не взяли из-за этого.

Однажды, летом, я решил проверить возможность парашютирования с сарая, держась за зонтик. Прыгнул и до сих пор помню, как приземлился! Понял, что зонтик – не парашют.

Вот так мы и жили до начала войны 22 июня 1941 года!

Этот день я прекрасно помню, но об этом – в следующем разделе.

1.2. Война!

Теплое солнечное утро, выходной день. (Тогда воскресений еще не было, были пятидневки и выходной). Около 12-ти вбегает в дом Роза и с криком ВОЙНА! включает на всю громкость радиолу. Выступал сдавленным голосом Молотов.

ТАК НАЧАЛАСЬ ВОЙНА ДЛЯ НАШЕЙ СЕМЬИ!

К середине июля дом опустел. Забрали всех дядьев. Все погибли, кроме Зальки (всех дядьев я звал только по имени), он попал в плен и появился только в 47 году. После освобождения из плена он еще два года искупал свою «вину» на шахтах Донбасса. (Погибли и все братья моего отца, кроме дяди Пети, попавшего в плен и вернувшегося в 47-ом году. (В плену он заболел туберкулезом и после возвращения вскоре умер).

22-го июля, ровно через месяц после начала войны, ночью нас бомбили первый раз! Именно нас, т.к. немцы не смогли прорваться к Москве и сбросили боезапас на западный и юго-западный пригороды. На Москву прорвались только единицы, и сбросили несколько бомб, как писали потом в газете «Правда».

Ночь была безлунная, безоблачная, теплая. Первый раз в жизни я не спал ночью и с восхищением смотрел на происходящее из вырытых взрослыми открытыми щелей. Вой падающих бомб, грохот где-то близко расположенных зениток, прожектора, схватившие в перекрестье летящий на Москву бомбардировщик, разрывы снарядов зениток вокруг самолета. А он почему-то не падал! Все это до сих пор стоит у меня перед глазами. И ни какого страха! А наутро мы собирали осколки - продолговатые, тяжелые блестящие, толщиной около одного сантиметра железяки стального цвета с острыми рваными краями. Неизгладимое впечатление!

В конце июля ушел воевать отец. Часть формировалась в Ногинске и через пару недель он с сослуживцами на грузовичке-полторке приехал. Уже в форме старшего лейтенанта-воен техника второго ранга с пистолетом на ремне. Отпустили попрощаться с семьей. Ну и, конечно, выпили на радостях. Стол стоял на улице, подходили соседи, приветствовали. Подошла и Еремиха, тоже выпила, и что-то стала ссориться с мамой. И обозвала ее жидовкой. Отец мгновенно среагировал, схватил ее и стал душить. Она вырвалась и побежала к своему дому. Он выхватил из кобуры пистолет и с криком «Убью!» бросился за ней, стреляя вверх. Если бы не перехватили его сослуживцы, последствия были бы ужасные. Все это было на моих глазах, я тоже бежал за ними.

Начались регулярные налеты на Москву. Маме предложили отправить детей во временную эвакуацию от завода, т.к. Красная Армия должна была через пару месяцев разбить немцев наголову, как утверждали взрослые. Но мама отказалась.

Она приняла предложение соседки, тетки Наташи, у которой пустовала хибара в д. Новокельцы под Скопным (городок в Рязанской обл.), куда мы четверо и поехали, уложив в чемоданы по требованию мамы максимум возможного из носильных вещей. (В дальнейшем нас все эти вещи спасали от голода). Помог нам с переездом Володька Еремин – очень он был влюблен в Розу и не мог оставить ее в трудный час.

Так, бросив хозяйство, дом, и любимую кошку – Мурку (очень я хотел взять ее с собой!) мы в середине августа 1941 г. уехали в Рязанскую глубинку, чтобы не погибнуть под бомбами в Москве. Раза два перед отъездом мы все четверо уезжали на ночь в Москву спасаться от бомбежки и спускались в метро «Кировская» - тогда самое глубокое, и возвращались после отбоя воздушной тревоги утром.

А стариков забрал с собой в Казань мой дядя Борис, где они и ушли из жизни через 11 лет после войны. Авиационный завод, где он работал токарем, туда эвакуировали в конце июля. (В 59г я был в командировке в Казани и побывал у них в гостях).

Тётя Пира, еще летом 40 года, вышла замуж и уехала к мужу в поселок при химскладе в трех километрах от Очакова. Там, очень быстро, в течение года построили несколько кирпичных домов для сотрудников химсклада, в основном, военных, где она и поселилась. Я иногда бывал у нее в гостях. (В девяностых годах я случайно узнал по косвенным признакам, что склад этот был не простой, а склад БОВ – боевых отравляющих веществ, по-видимому, его так быстро и построили за год перед войной).

На этом мое счастливое детство кончилось! Мне было 10 лет и семь месяцев от роду. А для моего брата Толи началась дорога к смерти!

1.3 ЭВАКУАЦИЯ

Небольшая деревушка, вся в яблоневых садах. Старая хата с соломенной крышей. Пол земляной! Долго в нем мы не задержались и в конце августа переехали в г. Скопин, в 7км от деревни. 1-го сентября я пошел в школу в 4-ый класс, а брат - во второй. Роза и мама куда-то устроились работать - надо было на что-то жить!.....А немцы стремительно шли на Восток и к середине октября были на подступах к Москве. Одновременно окружая Москву с юго-востока, от Рязани. И к середине декабря они подошли к Скопину. Как мы оказались в числе последних беженцев, посаженных в теплушку последнего эшелона, проскочившего на Восток из немецких клещей, я не знаю. Впоследствии, я узнал, что на утро следующего дня немцы взяли Скопин. Выбили их только через неделю. А когда формировали эшелон, была ночь, немецкие самолеты волнами пролетали над нами с зажженными АНО (аэронавигационными огнями), я их сам наблюдал! Нас не бомбили!

Везли нас около месяца. По обеим сторонам от двери вагона - двухъярусные нары. В центре вагона – чугунная печка-буржуйка. Огонь в ней постоянно поддерживали дети. Позже, я понял, что это был вагон специально для семей офицеров, воевавших на фронте. По дороге на остановках выдавали продукты сухим пайком и уголь для буржуйки. На каждой станции была кубовая с кипятком. Останавливались очень часто, пропуская эшелоны с техникой и войсками на Запад. Иногда стояли до суток. Однажды, Роза побежала за кипятком, что-то задержалась, а эшелон ушел! Через несколько дней она догнала нас! (Я до сих пор восхищаюсь высокой степенью организации эвакуации населения! Людям из ЦК ВКП,б и правительства, организовавшим в то время этот процесс, надо было бы поставить памятник).

Здесь, в вагоне я впервые влюбился. Ее звали Беатрисса, мама ее звала Бэба. Она была старше на два года и немного выше меня, но очень красивая! Часто по ночам мы с ней поддерживали огонь в буржуйке, сидели рядом, и я был почему-то счастлив. (Наверное, с тех пор мне очень нравятся красивые девушки и женщины и жену я дважды выбирал по этому признаку).

К концу месяца мы поняли, что нас везут к Оренбургу - тогда г. Чкалов. За 200км от Чкалова мама сказала «генук»- (с нас хватит), и мы высадились на большой станции, которая называлась Ново-Сергеевка.

В эвакупункте станции нам выделили подводу и определили деревушку в пяти км от станции, а там, в сельсовете указали хату-пятистенку, где мы должны были поселиться.

Хозяйка, - немолодая деревенская женщина с характерным для калмычки суровым лицом жила в этой большой хате с сыном лет двадцати, крепким, жилистым парнем, но с серьезными умственными отклонениями. Звали его Ваня. На нем держалось все большое хозяйство, в том числе корова. Кое-чего он соображал, но говорил невнятно. По-тихому он влюбился в Розу, и когда она его отвергла – повесился. Еле откачали.

Половину хаты занимала огромная русская печь. Каждое утро, часа в четыре, хозяйка ее разжигала и в чугунах готовила что-то для себя и скоту. Раз в две недели она пекла хлеб. От печки нам доставалось только тепло. Мама готовила на керосинке. Было голодно

В памяти стоит картина: мы с Толей стоим возле керосинки и не можем дождаться, когда же мама закончит жарить картошку? Так хотелось есть! Картошку, крупы, керосин, сахар мама обменивала на базаре в большой соседней деревне на привезенные из Москвы вещи – там они очень ценились. С тех пор жареную картошку я полюбил на всю жизнь! (Жарить ее я никому не доверяю и сейчас).

С фронта отец прислал аттестат, по которому мы получали какие-то деньги, в магазине продукты были только по карточкам, но их явно не хватало – нормы были очень низкие. А на базаре деньги крестьяне – калмыки не ценили.

После случая с Иваном-дурачком стало ясно, что надо из этой деревни бежать! И по весне мы переехали на станцию. Поселились в одном из домиков пристанционного поселка. У хозяйки, добродушной старушки из живности были только куры. Стало немного повеселее в части питания, мама и Роза где-то работали, но жили в тесноте. Я спал на сундуке!

Вспоминается один эпизод. У меня начал сильно болеть зуб. Да так, что несколько ночей подряд я плакал и не давал никому спать. В одну из ночей хозяйке это надоело, и она сказала маме, что может мне вылечить зубы. Мама согласилась. Она положила меня на сундук, голову повернула больным зубом вверх, наклонилась надо мной и очень тихо что-то шептала, одновременно крестя мою щеку. Я расслышал только несколько слов, которые она повторяла очень часто. Этими словами были: «чёрт», «луна», «забери Вовину болезнь», «улетай обратно на луну». Так продолжалось минут десять, боль ушла и... я заснул! (С тех пор, почти 65 лет, зубы у меня никогда не болели, хотя я их очень редко чистил и грецкие орехи колот только зубами). Мистика, но факт!

Чтобы было полегче, мама устроила меня летом на арбузную бахчу, помогать сторожу гонять ворон. Обедать я прибежал домой – всего-то два км вдоль железной дороги.

Здесь я научился метко стрелять из рогатки по воробьям. Ощипывали, варили и ели. По весне ходили в степь за сусликами – заливали в нору воду и они сами вылезали. Однажды сходили в лес за 18 км, ближе леса не было, за вороньими яйцами, ловили рыбу в реке Самара. Хоть какое-то подспорье в части питания! На лугах, в степи, в болотцах, было полно диких уток и куликов, но рогаткой их не достать, – не подпускали. У соседского мальчика, в сених стояла старая ржавая одностволка, а патронов не было. Надо было где-то доставать порох. И мы нашли выход из положения!

(Внимание! Слабонервным следующий раздел читать не рекомендую, т.к. пойдет сцена гибели брата).

1.4. Гибель брата. Возвращение в Москву

Жаркое лето 43-го года. Выходной день. С Толей играем в «расшибалки» во дворе дома. Открывается калитка, и входят две цыганки. Просят, чтобы мы им дали что-нибудь из еды. Толя поднимает с земли небольшой камушек и кидает в них со словами: «Уходите, самим есть нечего!». Одна из цыганок, уходя, оборачивается и, указывая на него пальцем, кричит: «Ты не бросайся, т.к. тебе осталось жить еще только один день! Завтра ты умрешь!». И ушли. Мы заперли калитку и продолжили игру.

На следующий день, с утра я убежал на бахчу. На станции иногда останавливались эшелоны с разбитой на фронте техникой на открытых платформах. Однажды, пришел состав, в котором была платформа, набитая трофейными артиллерийскими снарядами крупного калибра. Каждый снаряд в отдельной деревянной клетке. Мы были уверены, что в снаряде должен быть порох! (Потом я узнал, что мы ошибались – снаряд набит каким-то трубчатым веществом, похожим на тол).

Я прибежал с бахчи на обед и вместе с Толей, и еще тремя друзьями залезли на платформу, осторожно спустили снаряд на землю, положили на курточку и понесли его разряжать.

Четверо несли по углам по двое с каждой стороны, а я поддерживал снаряд сзади. И понесли мы его в сторону бахчи вдоль ж/д линии. Там, метрах в трехстах, были штабеля шпал. Залезли в штабель и начали отвинчивать головку. Чем - не помню. Я чувствовал, что время обеда кончилось, и сказал, что уйду, т.к. дядя Ваня-сторож будет

ругаться. Вылез из штабеля, пробежал шагов тридцать ивдруг сзади раздался страшной силы взрыв! Оборачиваюсь на ходу и вижу – вверх летят шпалы, фрагменты тел всех четырех ребят! Моего брата не стало!!!

Сердце сжалось, тоска навалилась, я упал и долго не мог встать – ноги не держали. Сильный стресс! Прибежали люди, сторож отправил меня сказать маме о случившемся. Когда я это ей сказал, она онемела, и целый месяц не могла говорить. Лежала и молчала. Заболела Роза - распухли лимфатические железы на шее и года три она так и ходила. Прошли они только в Москве.

Похоронили их всех в одном гробу. В течение длительного времени у меня было сильное чувство тоски по брату.

Это был первый эпизод моего спасения от смерти.

В школу, в эвакуации, это 4-ый, 5-ый, и половина 6-го класса, я ходил без энтузиазма, и учеба мне стала даваться с трудом. Сказывалось отсутствие достаточного питания и, после гибели Толи, постоянно довлеющее чувство тоски по брату. Основой питания в Ново-Сергеевке была тыква. С тех пор, вот уже 65 лет, тыкву я не ем.

А в ноябре 42-го года я заболел брюшным тифом. Внезапно, на уроке русского языка я почувствовал, что мне надо срочно бежать в туалет! Поднимаю руку, прошусь выйти и получаю отказ. Через пару минут еще раз поднимаю, и опять отказ, но уже в грубой форме. И.....я не смог сдержаться. Полные штаны. Когда запах дошел до учительницы, она крикнула, чтобы я «вышел вон». Как я добрался до дома - не помню. Хозяйка померила температуру-39! К ночи я потерял сознание и очнулся в больнице. Пролежал там одиннадцать дней, а потом дома еще недели три не успокаивался желудок.

С начала 43-го года открыли въезд в Москву по вызовам от организаций. Мама написала на завод, и в середине декабря 43-го года прислали разрешение на въезд. Билеты достать было невозможно. Подошел поезд. Мама как-то уговорила проводницу, она нас впустила и заперла в задний тамбур. Дверь в соседний вагон она тоже заперла. Ехали мы более суток, и запомнилось мне это потому, что все это время мне очень надо было по малой нужде, но куда? Мама приказала терпеть, и я терпел до самой Москвы. В дальнейшем мне это ужасное воздержание организм припомнил.

Москва, родное Очаково! Мои друзья! И не утихающая тоска по Толику.

Дали нам большую комнату в рабочем бараке, метров тридцать.

Но надо учиться дальше. Как-то окончил 6-ой класс, весной 45-го 7-ой, с одной тройкой – по русскому языку.

Мама продолжила работу в своей бухгалтерии. Розу директор взял в секретари (еще в Ново-Сергеевке она научилась здорово печатать на машинке). Одновременно, до конца войны, она заведовала 1-ым (секретным) отделом завода, Но все равно было голодно. Я получал детскую карточку - 400г хлеба и мало всего остального. У Розы и мамы были карточки служащих – по 600г хлеба. У рабочих были карточки на 800г.

На лето 44-го второй муж тети Пирь - Андрей Дмитриевич (он был военным, и работал на химскладе, командовал транспортным цехом), устроил меня на лето работать в группу автоэлектриков. Трамблеры, стартеры, свечи, генераторы, бобины и т.д. Всё я быстро освоил, и это мне в дальнейшем очень пригодилось. В конце смены каждому выдавали полбуханки черного хлеба, а утром, перед сменой, кормили в столовой супом из крапивы с кусочком хлеба. (Вот тогда я понял, как полезен суп из крапивы, и больше никогда, даже в самый голодный 47-ой, не мог его есть). Большую часть этой полбуханки по дороге домой я съедал.

День победы 9-го мая мне запомнился из-за массовой, (человек 50), драки взрослых возле столовой. Почему дрались, я не знаю. Наверное, от радости! Утро было слякотным - ночью прошел дождь, но к началу драки выглянуло солнце. Было много пьяных!

Отец в июле 45-го был переброшен на Восток, воевать с японцами. (На фото – он справа). С продуктами становилось все труднее, карточки отоваривались плохо, сидели, в основном, на хлебе. Думаю, что это было главной причиной, почему меня мама взяла за руку и привезла в приемную комиссию Электромеханического техникума имени Л. Б. Красина, что на Большой Грузинской улице в Москве. Учащимся техникумов была положена карточка на 600г. хлеба, а не как иждивенцу- 400.

Вспомнил, что когда я учился в 6-ом классе, это был 44-й год, отец приезжал с фронта после госпиталя на пару недель. Он меня тогда здорово понатаскал по алгебре, а физика у меня шла отлично и в 7-ом – не зря я увлекался радио. Тогда я уже собрал супергетеродинный приемник и на коротких волнах слушал радиостанцию «Голос Америки»- тогда ее еще не глушили (На фото слева – настройка

«супергетеродина»). И еще один эпизод в 7-м классе..... Урок зоологии. Ее преподавала директорша – Зинаида Ивановна. На одном из уроков она сказала, что человек произошел от обезьяны. Из простого любопытства, я спросил, продолжается ли в наше время этот процесс и, если нет, то почему? Вопрос очень смутил ее, и она меня высмеяла перед всем классом. (Тогда я не понял, за что пострадал - в четверти она мне вывела четверку, хотя в таблице больше было пятерок). Чтобы не задавал глупых вопросов!

Приемные экзамены в техникум я сдал с тройкой по русскому, но меня почему-то приняли, и с 1-го сентября 1945-года я стал учащимся техникума.

1.5 Учеба в Электромеханическом техникуме имени Л. Б. Красина, назначение в НИИ-627

Конечно, для меня это был прорыв к увлекшей меня с раннего детства технике.

Заявление я подавал на радиоотделение, но меня определили на электромеханическое – электрические машины, трансформаторы, коммутационные аппараты. Может быть, из-за тройки по русскому на вступительных, а может быть потому, что в анкете я указал, что мама у меня еврейка - не знаю.

Первый курс. Все ребята в группе были москвичи, нормально упитанные, хорошо одетые, хорошо подготовленные в московских школах. А я был худ, одет плохо и ростом меньше всех. Да и подготовка была хуже - сказались голодные годы. Первый курс я окончил с тройками. Физически тяжело было на месячных сборах по военной подготовке летом 46-го, сразу после экзаменов. Они происходили в районе станции Челюскинская Ярославской ж/д. Строевая с настоящей тяжелейшей винтовкой, марш-броски с полной выкладкой! Утром - физзарядка, турник. Но кормили хорошо, а это для меня было самым главным. К концу сборов я почувствовал себя веселее, сильнее. А впереди еще было два летних месяца каникул. К началу учебы на втором курсе я здорово подрос, и еще более окреп, приучив себя по утрам делать физзарядку с постепенным увеличением нагрузки. И в дополнение ко всему, я попросился принять меня в кружок духовых инструментов при клубе Очаковского кирпичного завода.

Весной 46-го вернулся отец и начал с обустройства комнаты. Сделал фанерные перегородки и образовались две комнаты, прихожая и кухня. И у меня появился уголок, где я паял свои радиоприемники. Мое поступление в кружок духовой музыки он одобрил.

Мне дали в личное пользование трубу - корнет-а-пистон и простенький мундштук. Показали, как извлекается каждая нота, дали альбом нотной грамоты и альбом с гаммами. Руководитель кружка, он же дирижер оркестра, сказал, чтобы через месяц я освоил помеченные им упражнения и смог сыграть на репетиции в составе оркестра самый простой танец «Краковяк».

Было лето, тепло, и я засел в сарае, чтобы никому не мешать осваивать трубу.

В общем, через несколько месяцев, на репетициях, уже в составе оркестра, я играл первую партию трубы вполне прилично. А к весне 47-го меня выпустили в составе оркестра на сцену клуба. И с той поры, каждый понедельник, как тогда было принято, по вечерам я исполнял партию первой трубы на танцах в клубе завода с большим удовольствием и к радости руководителя оркестра и знакомых девчонок. (На этих танцах я влюбился второй раз. Звали ее Валя Саякина – дочь одного из рабочих завода. Блондинка с огромными глазами.) За каждое выступление мне и всем оркестрантам немного приплачивали. Я получал почти столько же, сколько дирижер. Сам он играл на баритоне классно! А звали его Петр Михайлович Безногов. Он тоже, как и отец, воевал. Жил он в одном из бараков.Мы его очень уважали и слушались беспрекословно. Его светлый образ и сейчас стоит в моей памяти. За пять лет игры в оркестре он вывел меня на уровень солиста оркестра. Я здорово обогнал старичков в технике владения инструментом. Кроме танцев, мы играли гимн на торжественных собраниях, легкую музыку в перерывах. Обслуживали похороны. Однажды, довелось играть даже в Колонном зале Дома Советов на каком-то важном собрании строителей. После выступления нас здорово накормили в ресторане (В оркестре я играл до октября 50-го года, - до призыва служить в Военно-Морской Флот).

В начале 47-го мама родила нам брата Виктора. Ей было 42 года.

Второй курс техникума.

Учиться стало легче. Вспоминается один неприятный эпизод. По комсомольской линии, куда меня приняли еще в 7-ом классе, мне объявили выговор за неявку на собрание, которое назначено было на выходной день. Было начало ноября, и отец попросил меня помочь убрать с огорода капусту на этот день. Конечно, для меня важнее была капуста, чем собрание. Почему-то бюро комсомола мой довод посчитал неуважительным. В наказание мне дали зада-

ние подготовиться и провести занятия с группой по истории комсомола, что я и сделал, испу-
тив вину перед «родным» комсомолом - верным помощником партии.

Но учеба продолжалась успешно. Особенно стало интересно, когда пошли интегралы,
дифференциалы, теоретическая механика, технология металлов, сопромат, теоретическая
электротехника, электроизмерения. Все мне было страшно интересно! Очень хорошую под-
готовку нам дали в механических мастерских техникума – научили свободно владеть слесар-
ным инструментом, вытачивать простейшие детали на токарном станке, читали теорию реза-
ния металла. (До сих пор помню, что оптимальный угол заточки ножа – 4 градуса).

Второй курс я заканчивал в условиях наступающего голода! Как мы выжили - не помню
точно. Скорее всего, помогла Роза (Фото 1945г). Она в 46-ом вышла замуж. Ее муж, Федя Булы-
чев демобилизовался из армии лейтенантом в 46-ом. Всю войну его часть в составе резервной
армии простояла в Монголии. С детства у него был природный талант художника. Он состоял
членом художественного объединения Москвы.

Он хорошо стал зарабатывать на массовом изготовлении на ватмане больших (нулевой формат!) портретов вождей и членов ЦК - на демонстрациях их носили на шестах. Он их клеил при помощи трафаретов - штук 10 на каждый портрет. И получалось у него здорово и быстро! В 47-ом у них родилась дочка Юля, а в марте 50-го – сын Валерочка (На фото 51г). Тогда они обзавелись мебелью, приоделись. Да и сама Роза круто пошла вверх - в дополнение к секретарским обязанностям, заведовала бухгалтерией завкома завода.

Третий курс техникума. Пошли спецпредметы, лабораторные работы с реальной техникой. Стало еще интереснее.

В ноябре, в возрасте 9 месяцев умирает Витя из-за нехватки пищи - мама все это время кормила его только грудью. Молочных кухонь тогда не было. А молоко у нее пропало. Он умер на моих руках.

47-ой год запомнился мне как самый голодный год за всю мою жизнь - такого не было даже во время войны!

Но упорно продолжаю учиться. В сентябре-ноябре уже появились овощи с огорода. Карточки стали отоваривать по полным нормам. Прошла денежная реформа. Цены на продукты силовым порядком были снижены. Стало полегче.

В мае 48-го заканчиваю третий курс. Зимой в военкомате прошел приписку. «Здоровье в порядке, спасибо зарядке!» И определили меня на флот. Северный, т.к. в те годы Московская область шефствовала над ним. Сказали только, чтобы я поднабрал вес. А рост у меня уже был нормальный - почти 170 см. Худющий был.

Летом 47-го года при клубе завода была организована юношеская футбольная команда. Приписаны мы были к ДСО «Спартак».

Выдали нам в клубе завода форму, бутсы и мы включились в игры на первенство Московской области. Какие-то навыки у нас были конечно – гоняли мяч много, поставив вместо ворот кирпичи на ближайшей поляне. Меня назначили капитаном, т.к. я бегал быстрее всех.

Первую игру мы проиграли с разгромным счетом – 0:12. Я играл под № 3 - центральный защитник. Мне было очень стыдно! Догадались, что играть надо посмелее, даже понахальнее. Футбол помог приобрести мне эти качества на всю жизнь – в дополнение к упорству и любопытству, которые у меня были с детства. В дальнейшем игра наладилась.

(Бить пенальти поручали мне. Я избрал одну хитрость. Подбегая к мячу, я смотрел в глаза вратарю, а он, на меня. Перед самым ударом я переводил глаза вправо (или влево), а бил мяч в другую сторону. Вратарь бросался обычно в сторону, куда я переводил взгляд. Бил я пенальти только левой! Успех был 100-процентный. Призыв на службу прервал мою футбольную эпопею на 4 долгих года).

Четвертый курс. Сплошные лабораторки. Класс был разбит на группы по 3, 4 человека. Выполнив одну работу, делали перерыв и переходили на другую. Многие из ребят курили в перерывах. Выходили из лабораторного зала, а меня оставляли обрабатывать результаты опытов. И однажды мне это надоело - я пошел в коридор вместе с ними. И закурил. Вскоре почувствовал пагубность этой дури - стало труднее играть и на трубе и в футбол. И я прекратил эти эксперименты со своим здоровьем. (В дальнейшем, в сложные периоды жизни, закуривал, но ненадолго).

С февраля 49-го года – преддипломная практика. Распределили меня и еще человек пять в научно исследовательский институт НИИ-627, выполняющий, в основном, работы по военно-морской тематике. Велись разработки коммутационной аппаратуры, электродвигателей для приводов корабельных артиллерийских башен и торпед, стабилизаторов напряжения и много другого электрооборудования, в том числе и для быта. Я попал в лабораторию коммутационной аппаратуры.

Начальником был к. т. н. Ростислав Сергеевич Кузнецов. Крупного телосложения, круглолицый, блондин, высокого роста. Говорил всегда громко и четко. Русский интеллигент старой закваски. Ко мне он относился по отечески, много уделял внимания, видя мою сырость, любознательность и горячее желание освоить вопросы проектирования реле - предмет моего диплома. Начальником отдела был д. т. н. Меерович Евгений Абрамович, ветеран войны, тоже известный в научных кругах специалист. А директором института был академик Иосифьян. (Позже, когда я немного пообтерся, я понял, какую мощную научную силу он собрал в инсти-

туте в примерно равных пропорциях из русских, еврейских и армянских высококлассных специалистов - разработчиков электромеханической аппаратуры и систем).

Помню один случай. (Это было, когда я вернулся после службы и учился уже в институте). Сажу за рабочим столом. Запустил схему, а сам решил взять какой-то интеграл. Ничего не получалось. Открывается дверь лаборатории, входит директор. Высокий, сухопарый, с орлиным крючковатым носом, острым, пронзительным взглядом, смуглый, армянин, говорил без акцента. Волосы прямые, растрепаны. Походил по лаборатории, поговорил с кем-то, и подошел ко мне. Я рассказал, что жду окончания опыта, и пока есть свободное время, пытаюсь взять интеграл, но пока не получается. Он сел рядом и почти не задумываясь, показал, как его надо брать).

В июне 49-го года я защитился на отлично, и меня оставили работать в институте на должности техника с окладом 800р. (Дипломированный инженер после института тогда получал 1100р). На работу я вышел 1-го августа. Работал и готовился к экзаменам в Энергетический институт на заочное отделение. В августе 50-го меня перевели на должность старшего техника с окладом 900р. Сдал экзамены. Только приступил к учебе в институте - пришла повестка из военкомата - вызывают пройти комиссию на предмет годности для службы в ВМФ. Прошел по всем статьям. Вес- 60кг, рост-171.5см. И в октябре 50-го года я прибыл в военкомат для отправки на действительную военную службу. Из института открепление не взял, сказал, что буду продолжать учиться на службе. Из НИИ уволился с правом приема по возвращению.

Прощание было трогательным, меня любили и ценили, Я думаю, было за что. Я не отказывался ни от какой работы, меня рвали на части - до обеда я работал с одним инженером, после обеда с другим, помогал собирать сложнейшие электросхемы, проводя записи параметров в экспериментах на шлейфовых осциллографах. Многому меня научили мои руководители, высококлассные инженеры отдела Е. А. Мееровича.

Хотя подготовка у меня в техникуме была очень хорошая, я все время чувствовал, что для творческой работы надо получать высшее образование. Я твердо решил учиться дальше! А на флоте матросы и старшины тогда служили 5 лет!

Перед самым увольнением, как-то я зашел в зал к конструкторам и обратил внимание, что двоих нет. Спросил где люди, но никто не мог объяснить, куда они делись. Одного звали Лев Александрович Поздняк. (Позже он сыграл большую роль в моей жизни). Это был один из выдающихся конструкторов отдела. Из других подразделений НИИ тоже исчезло несколько человек – лучших специалистов!

(Через много, много лет, я пришел к выводу, что лучшего коллектива отдела, чем в НИИ-627 со всех точек зрения в моей жизни не было. Но самые эрудированные и самые лучшие ученые и инженеры-разработчики, самые порядочные и скромные люди были евреи НИИ-627. Вспоминаю их с большой теплотой. Хотите, верьте, хотите, нет, но этот прискорбный для антисемитов факт - неоспорим).

1.6. Служба в Военно-Морском Флоте

1.6.1. Учебный отряд

Провожали меня все мои лучшие друзья и, конечно, Валя.

Сажает в теплушку, дают сухой паек, и через полтора суток прибываем в г. Выборг.

Огромный ангар и в нем собрали человек 500. Сгруппировали по 25 человек и всех пропустили через медкомиссию. Запомнилось вращающееся кресло - пристегнули и закрутили. В какой-то момент мгновенно остановили, и приказали быстро идти по узкому длинному ковру. Я его прошел бодро, хотя сначала немного повело.

Проверку слуха, зрения, объем легких, качели - все прошел на отлично. Объявляют – в плавсостав! Группа сократилась на несколько человек, не прошедших эту жесткую комиссию

- их отправили служить в береговую оборону. И последнее испытание – на общеобразовательную подготовку. Посадили в класс и предложили написать диктант – две странички тетради. Результат я узнал потом, когда группы переформировали для отправки в отряды на учебу по специальностям в зависимости от степени подготовки: боцманы, коки, трюмные, мотористы, артиллеристы, сигнальщики, штурманские электрики – гироскописты! Я попал в группу штурманских электриков – элиту плавсостава (как потом я узнал)!

Наутро просыпаюсь от громкого вопроса: «Кто может играть на музыкальных инструментах - на испытания!». Я пошел. Дают трубу – играй, что можешь. «Ноты нужны?» - «Нет». Не помню, что я играл. Меня быстро остановили и сказали, чтобы завтра с утра с вещами пришел в штаб для оформления и отправки в муз. команду Северного флота!

Не пошел я в муз. команду! Плавсостав ведь! Уговаривали, но я уперся, а приказать не могли – присягу я еще не принимал.

Таких, как я отобрали человек 25 из 500 испытуемых. Выдали военно-морскую форму, посадили в пассажирский вагон и ночью привезли в небольшой городишко Сортавала, на северном берегу Ладожского озера. Это Карелия. Поместили в каком-то буржуйском особняке на краю города, где мы принялись присягу, и я поклялся честно служить Родине. На следующий день пеший марш около 5км и мы пришли в Учебный отряд на самом берегу небольшого залива

Учебный отряд – это казармы, столовая, котельная, огромный плац и ангар с учебными классами, штаб, домики для офицеров и их семей. Удобства – на улице, баня – в городе. В отряде – человек 200. Там были еще сигнальщики, мотористы и коки. Коков было очень много, жили они в отдельной казарме далеко от нас. И начался очередной трудный период в моей жизни, хотя кормили как на убой, по нормативам плавсостава!

Трудный физически. И не только для меня. Снежная морозная зима! Два месяца были сплошные строевые на плацу, сначала без оружия, потом с оружием. Командовал строевыми здоровенный с бандитской рожей киллера мичман – настоящий морской волк! До сих пор в ушах стоит его громоподобная команда «А рррраз, два, три!!!». Ноги сами поднимаются! «Ззапевай!». На ногах тяжелые флотские ботинки.

К вечеру все мокрое, а сушилки в казарме нет! На ночь носки и брюки клали под простынь – к утру немного просыхало. В кубрике на 25 человек одна печка-голландка, особенно на ней не посушишь! Потом режим сменили: до обеда – строевая, после обеда – занятия в классах. Уставали все здорово! Это было видно по тому, что через 5 минут занятий половина класса уже спало! Я не спал, т.к. мне все, что преподавали, было очень интересно! Преподаватели – офицеры, мичманы и старшины. Они все это видели, но особо не ругались – наверное, понимали, что трудно салагам. Да и режим был суровым: подъем в 6-30, (по выходным на час позже), бегом в одних тельняшках вместе со старшиной на улицу - пробежка вокруг казарм, потом комплекс упражнений на улице, умывание по пояс холодной водой! Кошмар, но я быстро привык и стал еще здоровее. На соревнованиях на лыжах я занял второе место, первым был перворазрядник из штата учебки - приземистый холеный крепыш с откормленной физиономией. Отстал я на финишной прямой – ослабло мое полужесткое крепление лыжи на моих флотских ботинках, и он меня обогнал! На лыжах у него было жесткое крепление и настоящие лыжные ботинки. До сих пор не могу ему простить этого!

В середине апреля 51-го лед на Ладоге растаяла. До этого нам прочитали азы морского дела: шлюпки, тросы, морские узлы (некоторые помню и сейчас), флажковый семафор, судовые огни (топовый, гаковый, бортовые и пр.), паруса и т. д. И до самых выпускных экзаменов около месяца почти каждый день походы и соревнования на шестивесельных шлюпках.

По специальности нам дали азы теории гироскопии, эолокации, лагов, радиопеленгаторов, а в лабораториях был хороший практикум по каждому устройству.

Особенно меня поразил свободный гироскоп! И его совершенно необъяснимое для неподготовленного человека свойство держать ось вращения в инерциальном, (галактическом) пространстве неподвижно, отвязанной от вращения Земли! (*Примитивный аналог свободного гироскопа – детский волчок. Раскрученный, он стоит вертикально, пока не перестанет быстро вращаться*). Т. е. Земля уходит из-под оси! На этом свойстве и построен гироскоп (ударение на последнем слове) – очень сложное устройство. Его ось с секундной точностью держит направление на географический полюс Земли. Не на магнитный, куда показывает магнитный компас. (Оба полюса не совпадают примерно на 40 миль).

В группе мало кто, кроме меня хорошо знали всю электрическую схему гироскопа. Главстаршина Якубович(!), который вел занятия по схеме, был очень рад – хоть несколько человек из всего класса поняли всю схему. (Доскональное знание схемы мне здорово пригодилось. В одном из дальних походов гироскоп вышел из строя! Ниже я расскажу об этом эпизоде подробно).

В общем, экзамены по всем предметам я сдал на отлично и получил свидетельство об окончании по высшему разряду! И, как отличника, а таких было еще 4 парня, назначают в Вайенгу (потом переименовали в г. Североморск) – на базу эскадренных миноносцев (Кольский залив).

Перед отправкой всех пропустили через зубной кабинет. Не лечили! У меня был один чуть потемневший зуб, не болел. Вырвали и еще пошутили – «до конца жизни буду благодарить». Так оно и было – до 75-ти лет я не пользовался услугами стоматолога.

1.6.2. Эскадренный миноносец

Начало июня 51-го года..... . Погода прекрасная! Карелия – благодатный край! Жалко было уезжать. Неделю дали отдохнуть. Играли в волейбол, футбол. И вот команда по вагонам! Пассажирский вагон до Мурманска, далее военным катером до базы дислокации эскадренных миноносцев серии БИС. В штабе получаю назначение – на эсминец!

Коротко расскажу, что это за махина. Водоизмещение около 2000 тонн, длина 120м Экипаж – около 300 (?) человек. Вооружение для тех лет современнейшее. Скорость – невиданная по тем временам – до 30 узлов. (Новые торпедные катера тогда давали максимум 45 узлов). Дисциплина – суровая. Подъем – в 6-00, свертывание подвесных коек. Зарядка, умывание, завтрак, бегом на верхнюю палубу в строй на подъем флага. Никаких отклонений от Корабельного устава – «шаг влево, шаг вправо – гауптвахта!». (В учебном отряде, особенно к концу учебы, все расслабились, поэтому здесь все казалось очень жестоким.)

Человеческих взаимоотношений как внутри команды штурманских электриков (7 человек), так и с командиром БЧ-1 и двумя его замами, молодыми лейтенантами, никаких. Прощетало доносительство и наряды вне очереди – драить верхнюю палубу шваброй, смоченной соляной кислотой. Одним из замов был лейтенант Абель(!). (Потом я узнал, что он полгода как прибыл на корабль после окончания Высшего военно-морского училища). К гирокомпасам меня подпустили только один раз – старшине на учебном занятии долго не удавалось ввести запасной гирокомпас в меридиан. Я ему помог. В моем ведении были эхолоты.

За два с половиной месяца (до моего неожиданного выдворения с эсминца!) в море выходили только два раза по неделе. И не далеко. Корабль отрабатывал стрельбы из пушек, поражение подводной лодки глубинными бомбами, торпедную атаку, в том числе в условиях дымовой завесы. Все это производило на меня очень сильное впечатление – мой боевой пост был у эхолота, на командирском мостике, и я наблюдал эти процессы с большим интересом. Кошмар, особенно торпедная атака и охота за подводной лодкой. От взрывов глубинных бомб эсминец аж подпрыгивал! Страшно представить, что бывает с подводной лодкой при этом.

Во время перерывов между плаваниями каждый день, после подъема флага в 8-15, учеба по специальности. Учил нас лейтенант Абель(!). Досконально зная предмет, я видел, что он зачастую откровенно врет. И вот однажды я не сдержался – он начал нести какую-то несуслазницу про устройство магнитного усилителя, одного из элементов схемы гирокомпаса. Все почему-то молчали. Тогда я встал и очень корректно его поправил, рассказал, как в действительности все устроено. Мне показалось, что это ему не понравилось – на глазах нижних чинов, какой-то салага, показал его, офицера, несостоятельность! Но вида он не подал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.